

Фернандо АРРАБАЛЬ, писатель: Ленин был отцом дадаизма

Известному французскому писателю испанского происхождения 70 лет. Он приехал в Москву, по слухам, для того лишь, чтобы принять участие в марафоне в День города. Это не самая экзотическая шутка известного скандалиста. С Фернандо АРРАБАЛЕМ на свой страх и риск встретилась наш обозреватель Юлия РАХАЕВА.

— Вы действительно приехали для того, чтобы участвовать в марафоне?

— Это, конечно, шутка. Я не бегун: после того как в детстве переболел туберкулезом, с трудом прохожу больше 30 метров.

— Тогда для чего?

— Все очень просто: в издательстве «Текст» вышла моя первая книга на русском языке «Красная мадонна». Это для меня большое событие.

— Большое — потому что в России? С чем для вас связана Россия?

— С Христом и Сервантесом.

— ???

— С Сервантесом — потому что о нем очень плохо, даже враждебно отзывался Набоков, но за этой враждебностью была скрыта страсть. С Христом — потому что Достоевский говорил: если нет Бога, то все позволено. Примерно то же говорил и Ленин, кстати, христианин и аристократ по происхождению.

— Ну если уж у вас Достоевский и Ленин чуть ли не единомышленники, понятно, почему вас считают скандалистом...

— Скандал — слово греческое. Приблизительно оно означает западню, в которую попадают. Ни я, ни мои друзья никогда намеренно не пытались устроить скандал или провокацию. Но иногда какой-нибудь фильм, пьеса, случайно брошенная фраза вызывает скандал. И за ним остается непонятой суть того, что его вызвало. И мы об этом очень жалеем. Вчера Беккет, Дали, Пикассо, сегодня Кундера... Я понимаю, почему в Испании по приказу Франко на моих фильмах в кинозалы подкладывались бомбы. Но недавно в Братиславе вызвала скандал моя книга про Эль Греко, что для меня загадка. Еще загадочнее скандал в Америке вокруг моей пьесы «Наручники в цветах». Скандал — как успех, как любовь. Это всегда неожиданно.

— Что касается Дали, он-то скандалил вполне осознанно.

— Я думаю иначе. Хотя Дали никогда не говорил со мной серьезно, не обнажался передо мной. Для меня он прежде всего был человеком, увлеченным наукой, его чрезвычайно интересовала молекулярная биология. В конце своей жизни, лежа под капельницей, он устроил конференцию — что-то вроде «Математика сегодня», а сам слушал из-за двери. Покров скандала скрывал гения, которым он, безусловно, был. И только сейчас его картины начинают обретать истинную ценность.

— Вы говорили, что художник обязан открывать даже то, чего он сам стыдится. Не заложен ли в этом элемент скандальности?

— Писатель только и может, что рассказать свою жизнь. Моя жизнь — в романах, пьесах, фильмах. И для меня в этом нет ничего скандального.

— Такой вещи, как внутренняя цензура, для вас не существует?

— Нет, я слишком много страдал от внешней цензуры.

АРМЕН АСПРЯН

— Знакомы ли вы с Эдуардом Лимоновым?

— Я был в редколлегии журнала Idiot International, который основал Жан-Поль Сартр, а Лимонов там печатался. Сейчас мне о нем ничего не известно.

— Он находится в тюрьме.

— Он что, кого-то ограбил или убил?

— Нет, просто у одного из членов его партии нашли оружие.

— Он коммунист?

— Национал-большевик.

— Все это очень серьезно. Хотел бы больше узнать об этой истории, чтобы не делать легкомысленных заявлений. Я горжусь, что в свое время вытащил из кубинской тюрьмы двух поэтов-диссидентов. Позже я подружился с Владимиром Буковским и даже написал пьесу, которая имела большой успех не только во Франции, но и во всем мире. Это комедия о том, как Буковского обменяли на генерального секретаря компартии Чили Луиса Корвалана.

— Можно ли судить искусство в категориях морали?

— Мораль — это аспект любви, который существует с сотворения мира. Зачинателем современной морали был Блаженный Августин. Его понимание морали то же, что и у дадаистов. Кстати, возможно, что у истоков дадаизма стоял Ленин. Но, кто бы его ни основал, вот два основных постулата дадаизма: первый — в искусстве и литературе все возможно, второй — морали не существует.

— Вы до сих пор руководствуетесь этими постулатами?

— Нет, я порвал с дадаизмом, и с сюрреализмом, и даже с немецким концептуализмом. Но я всю жизнь боялся прихода большевистской морали, морали исключительности. И поэтому я основал течение под названием «паника», свой «панический» театр, в чем-то близкий к абсурдистскому. Он основывается на невозможности убивать друг друга, изгонять кого-то, и поэтому сейчас, 40 лет спустя, все так же популярен у молодежи и в Америке, и в Европе.

— У нас сейчас снова актуальны попытки разведения эротики и порнографии. Вы их в свое время развели как хорошее и плохое. Но кто и как решает, что хорошо и что плохо?

— Ничего нельзя развести до конца. Всегда остаются амбивалентность и смятение.

Известия. — 2002. — 5 сент. — с. 10